

# ПОЛВЕКА НА СЦЕНЕ

Говоря о заслуженном артисте Латвийской ССР Мартине Вердине, трудно ограничиться перечислением сыгранных им ролей.

Правда, им создано более 300 сценических образов за длинный жизненный путь, который начинался в рядах красных стрелков, потом продолжался в профессиональных театрах Лиепая, Елгавы и наконец, в Рижском театре оперетты. Все эти образы комические, но каждый столь своеобразен, что способен послужить темой для разговора.

Искусство М. Вердиня многогранно. Это может быть и остропамфлетный барон Зета (Ф. Легар «Веселая вдова») или неприкаянный бродяга Сноу (К. Одд «Руки вверх, мистер Купер!»). Почти в каждом персонаже Вердиня чувствуется добродушная ирония. Большая часть ролей позволяет актеру выразить в комическом сложность духовной жизни человека. Простодушно лукавый Атанас (Юрий Милютин «Трембита»), наделенный добрым юмором Гарулис (Э. Игенберг «Аннеле»), баптист (К. Портер «Целуй меня, Кэт!») не так уж просты.

— Ваша любимая роль? — спрашиваю артиста.

— Такой нет, потому что над каждой я работал с большой радостью.

— Что больше всего помогает вам на сцене?

— Садоводство.

Вначале думаешь, что это очередная шутка М. Вердиня — в жизни ему присуще большое чувство юмора. Однако на этот раз он говорит серьезно.

— Современный актер слишком мало общается с природой, а она может неожиданно много подсказать ему. В книге о большом грузинском актере Хораве я прочитал, что работая над ролью царя Эдипа, он никак не мог схватить внешний рисунок роли. Как-то во время прогулки в горах в его воображении вдруг возник образ Эдипа, монументальный и величественный, как будто высеченный из скалы. Так же и мне природа дает то необходимое душевное равновесие, которое помогает бороться с мыслями и обрести внутреннюю свободу. Молодые актеры заботятся о развитии своих способностей, и это хорошо. Но все же не стоит замыкаться в кругу только узкопрофессиональных интересов, нужно стремиться использовать каждую свободную минуту для более глубокого проникновения в жизнь.

— Что такое профессионализм, по-вашему?

— Трудно сразу ответить на этот вопрос. В любом случае под ним я понимаю не только хорошее владение своим ремеслом и умение использовать свои способности. Профессиональное мастерство само по себе еще не позволяет поставить и сыграть такие спектакли, как «Последние» в Театре юного зрителя или «Милый лежец» в Академическом театре драмы и, к сожалению, не спасает нас от профессиональных неудач.

Невольно вспоминается недавняя встреча с актером Паневежского драматического театра Банонисом. Он неоднократно повторял, что режиссер Мильтинис учит их не только профессиональным навыкам, но, прежде всего, воспитывает интерес к миру, явлениям в их противоречии, приводя, таким образом, к той ступени духовной зрелости, на которой рождается большая самостоятельность художника.

— Что вам больше всего мешало в работе?

— Я сам.

Ведь самоуверенность никогда не была присуща М. Вердиню. И теперь часто перед премьерой артист испытывает робость, как дебютант.

— Что делать, у каждого свое, — говорит М. Вердиня. — Мои учителя Анна Лаше, Фелицита Эртнере и Юрий Юровский всегда учили, что в каждой роли надо чувствовать себя первооткрывателем. Они правы.

— Какой период своей жизни вы вспоминаете с наибольшей благодарностью?

— Годы революции в Москве и участие в рядах латышских стрелков в подавлении эсеровского мятежа. Вспоминаю одно очень холодное зимнее утро. Стоял на посту. Вдруг вижу — по Кремлевскому саду прогуливаются двое людей. Подхожу и прошу предъявить пропуски. Читаю: Владимир Ильич Ульянов-Ленин и Надежда Константиновна Крупская. Я смутился. Ленин, видя мою растерянность, улыбнулся и спросил, не мерзну ли я.

У М. Вердиня сохранилась фотография тех далеких лет. С нее смотрит молодой парень, почти мальчик, в большой ушанке и овчинном тулупе. Под ней подпись: «Второй латышский полк красных стрелков».

Беседу записала  
И. Лагзыня